

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, факультет международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Российская Федерация; e-mail: tamertu@mai.ru.

Bionotes:

Irina A. Zyubina, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication, Southern Federal University, Department of Linguistics and Professional Communication, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: iazyubina@sfsedu.ru.

Tatiana Yu. Tameryan, Prof.Dr.habil., Department of Foreign Languages for not language specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation; e-mail: tamertu@mai.ru.

Оригинальная статья

УДК 811.112.2:124.5

DOI: 10.29025/2079-6021-2022-2-243-256

Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертиологии
(на примере речевого акта угрозы)

А.А. Лавицкий

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
210015, Республика Беларусь, Витебск, улица Марка Шагала, 8А;
ORCID ID: 0000-0002-9102-4440; Researcher ID: M-2526-2018

Резюме: Статья посвящена вопросам нормализации методологического инструментария судебной лингвистической экспертизы текста. Значимость исследования обусловлена актуальным состоянием дел в отрасли, где, несмотря на успешное использование вариативных процедур лингвоправового изучения текста в процессуально-следственной и судебной практиках, отмечается наличие противоречий в экспертных заключениях, отсутствие наглядности в представлении выводов.

В настоящее время юрислингвистическая теория объективно неспособна предложить единый методологический стандарт работы ввиду потенциальной вариативности конфликтогенных коммуникативных ситуаций, большого числа экстралингвистических факторов, влияющих на речевое взаимодействие. В качестве решения обозначенной проблемы предлагается внедрение в научное поле лингвистической экспертиологии принципов методологической триангуляции – использование нескольких исследовательских процедур для решения одной задачи.

Цель научной работы – на материале такого вида правонарушения, как угроза, обосновать и представить модель соответствующего параметрическо-триангуляционного алгоритма судебной лингвистической экспертизы текста. В статье анализу подвергнуты характеристики угрозы, представленные в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

Проведенное изыскание показывает, что триангуляция может быть успешно экстраполирована в методологию лингвоправовой параметризации. Это позволяет 1) установить параметры, идентифицирующие правонарушение, 2) определить методологические процедуры их изучения и 3) провести оценку полученных исследовательских результатов. Приводится описание алгоритмической методологической модели судебного лингвистического исследования текста на предмет наличия в его содержании признаков совершения вербальной угрозы. В качестве результата научного изыскания представлена система экспертных процедур, включающая ряд методов, верифицированных в практике проведения специальных лингвоправовых исследований (автоматическая интерпретация, лексико-центрический, генристический, логико-семантический анализы и др.).

Описанные методы экспертной работы позволяют провести изучение трех обязательных (субъектный состав и субъектная принадлежность действия, адресованность и темпоральная маркированность) и одного факультативного (тип действия) параметров угрозы, совершаемой вербальным способом.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, речевой акт угрозы, методологическая триангуляция, параметризация конфликтогенного текста, методология судебной лингвистической экспертизы.

Благодарности: Работа подготовлена в рамках гранта Белорусского фонда фундаментальных исследований Г22-074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

* © Лавицкий А.А., 2022.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Лавицкий А.А. Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертиологии (на примере речевого акта угрозы). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 2. С. 243–256.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2022-2-243-256

Parametric Triangulation in Forensic Linguistics (on the Example of the Speech Act of Threatening)

Anton A. Lavitski

International University «MITSO»,

210015, Vitebsk, Belarus, 8A M. Shagall Str.;

ORCID ID: 0000-0002-9102-4440; Researcher ID: M-2526-2018

Abstract: The article is devoted to the issues of normalization of methodological tools for forensic linguistic examination of the text. The significance of the study is due to the current state of affairs in the industry, where, despite the successful use of variable procedures of linguistic and legal study of the text in procedural-investigative and judicial practices, there are contradictions in expert opinions, a lack of clarity in the presentation of conclusions.

Currently, jurilinguistic theory is objectively unable to offer a single methodological standard of work due to the potential variability of conflict communicative situations, a large number of extralinguistic factors that affect speech interaction. As a solution to this problem, it is proposed to introduce the principles of methodological triangulation into the scientific field of linguistic expertology - the use of several research procedures to solve one problem.

The purpose of the scientific work is to substantiate and present a model of the corresponding parametric-triangulation algorithm for forensic linguistic examination of the text on the material of such a type of offense as a threat. The article analyzes the characteristics of the threat presented in the criminal legislation of the Republic of Belarus.

The conducted research shows that triangulation can be successfully extrapolated into the methodology of legal language parametrization. This allows 1) to establish the parameters that identify the offense, 2) to determine the methodological procedures for studying them, and 3) to evaluate the obtained research results. A description of the algorithmic methodological model of a forensic linguistic study of a text for the presence of signs of a verbal threat in its content is given. As a result of scientific research, a system of expert procedures is presented, including a number of methods verified in the practice of special linguistic and legal research (automatic interpretation, lexicocentric, gener, logical semantics analysis, etc.).

The described methods of expert work make it possible to study three mandatory (subject composition and subject affiliation of an action, addressing and temporal marking) and one optional (action type) parameters of a threat committed verbally.

Keywords: forensic linguistic expertise, threat speech act, methodological triangulation, parametrization of a conflictogenic text, methodology of forensic linguistic expertise.

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research Г22-074 “Linguistic Explication of Offences (Extremism, Threat, Insult and Defamation) in Terms of Forensic Text Analysis”.

For citation: Lavitski A.A. Parametric Triangulation in Forensic Linguistics (on the Example of the Speech Act of Threatening). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022, no 2, pp. 243–256. (In Russ.).

Введение

Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) текста как прикладное направление юридической лингвистики прочно закрепилась и нашла свое отражение в процессуально-следственной и судебной деятельности. Однако несмотря на наличие значительного числа теоретических разработок и практического опыта изучения продуктов речевой деятельности, актуальными остаются вопросы ее методологии. В первую очередь, речь идет об отсутствии наглядности в выводах экспертного заключения, а также необходимости, «чтобы методы были представлены в явном виде» [1, с. 119].

Такое положение дел заставляет ученых, а также специалистов-практиков заниматься проблемами нормализации методологии СЛЭ, под которой обычно подразумевают унификацию методологических основ экспертной работы с текстом. Данный процесс осложняется объективными причинами. Во-первых, в юрислингвистическую теорию достаточно успешно экспортирован целый ряд верифицированных исследовательских методов: «Реальная практика лингвистической экспертизы показывает чрезвычайно богатую палитру методов и отчасти связанных с ними методик, которые используют в своих исследованиях лингвисты-эксперты» [2, с. 119]. Во-вторых, внедрение «методологического стандарта» чревато допущением экспертных ошибок, так как количество конфликтных коммуникативных ситуаций потенциально не ограничено, что делает невозможным использование только одного способа изучения продуктов речевой деятельности. В-третьих, следует понимать, что достижения современной лингвистической экспертологии во многом связаны с научными изысканиями в области методологии специального изучения текста. В-четвертых, отсутствие строгой методологической регламентации исследовательского инструментария позволило интегрировать в СЛЭ целый ряд новых экспертных процедур, которые имеют как пограничный характер (психолого-лингвистические, лингвопсихологические, политолого-лингвистические) и др. [3, с. 1359], так и подверглись трансферу из области естественнонаучных дисциплин.

Направление методологического трансфера видится нам достаточно актуальным, как в целом для лингвистики [4, с. 287], так и для СЛЭ. Так, например, метод параметризации, пришедший в лингвистическую экспертологию из инженерии и точных вычислений [5, с. 8], является сегодня наиболее продуктивным и успешно используется в процессуально-следственной и судебной практиках. Основа данной методологии сводится к установлению идентифицирующих то или иное правонарушение признаков и их последующей количественно-качественной оценки.

Однако объективным является и тот факт, что вариативность исследовательских методов СЛЭ проявляется в наличии противоречий в выводах экспертов: «Если сравнить заключения по одному делу, наблюдаются не только противоположные выводы, но и категориальные противоречия; противоречивость выводов» [6].

Таким образом, диалектическая проблема нормализации методологии судебной экспертологии, с одной стороны, не отрицает необходимость унификации исследовательских процедур работы с конфликтным речевым материалом, а с другой стороны, демонстрирует несостоятельность такого подхода, так как он может привести к процессуально-следственным и судебным ошибкам. В качестве консенсуса может быть предложено внедрение новых методологических подходов СЛЭ текста, к которым относится использование принципов триангуляции – «проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов» [7, с. 223].

Триангуляция не часто попадала в фокус научного интереса лингвистики, хотя сегодня достаточно успешно используется в психологии, педагогике, социологии и др. Будучи заимствованной из геодезии, картографии и навигации, в гуманитарных парадигмах триангуляция используется на разных уровнях научной деятельности: 1) триангуляция данных (использование в одном исследовательском проекте различных типов данных); 2) триангуляция исследователей (работа в рамках единого проекта нескольких исследователей, получающих данные обособленно друг от друга); 3) теоретическая триангуляция (интерпретация данных на основе нескольких подходов); 4) методологическая триангуляция (использование нескольких методов для решения одной задачи) [8, с. 110].

Последний из указанных аспектов используется нами в качестве основы для построения параметрическо-триангуляционного алгоритма судебного лингвистического исследования текста на предмет наличия в его содержании признаков правонарушения, совершаемого вербальным способом. Алгоритмизация СЛЭ при использовании параметрической триангуляции включает в себя 1) установление перечня параметров идентификации признаков правонарушения, 2) определение методологических процедур их экспертного изучения, 3) качественную оценку результатов специального исследования.

Цель статьи

Цель настоящей статьи – на материале такого вида правонарушения, как угроза, обосновать и представить модель соответствующего параметрическо-триангуляционного алгоритма СЛЭ.

Обзор литературы

Угроза как противоправное деяние, ответственность за которое регулируется Уголовным Кодексом¹ (УК), до сих пор не получила терминологического разъяснения в законодательной базе, хотя включена в ряд соответствующих статей: Угроза совершением акта терроризма (ст. 290), Угроза опасным использованием радиоактивных материалов (ст. 324), Угроза в отношении судьи или народного заседателя (ст. 389), Угроза начальнику (ст. 442) и др. Такое положение дел характерно не только для белорусского, но и для российского права [9, с. 287]. Особую актуальность для лингвоэкспертной практики имеет ст. 186 УК, которая определяет в качестве правонарушения «угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества общеопасным способом, если имелась опасность ее осуществления», так как зачастую назначение специальных судебных исследований инициируется именно в рамках расследования происшествий, инкриминирующихся данной правовой нормой. Однако очевидно, что в компетенцию СЛЭ входит изучение любых речевых материалов, относящихся к указанным преступлениям, а диспозиции самих уголовных статей отличаются только видом противоправной деятельности, которую потенциально имплементирует угроза.

Угроза идентифицируется не только как отдельное правонарушение. Данный тип деяния входит в состав ряда других преступлений (Разбой (ст. 207), Принуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к отказу от дачи показаний или заключения либо к даче ложных показаний или заключения (ст. 404)). Имеющиеся комментарии и процессуальная практика в отношении правонарушений, включающих компонент совершения угрозы, представляются значимыми и для ст. 186 УК, так как позволяют уточнить юридическое содержание обсуждаемой категории. Так, в Постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 24.03.2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве»² угроза характеризуется и как компонент хулиганства: «Судам надлежит учитывать, что хулиганством, влекущим ответственность по ч. 1 ст. 339 УК, признаются такие умышленные действия, которые не только грубо нарушают общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу, но и сопровождаются применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества». В обозначенном решении высшей судебной инстанции обнаруживается и определение понятия «угроза применения насилия» – «это выраженное словесно или в форме определенных жестов намерение применить физическое насилие». Схожее понимание феномена угрозы обнаруживается и в другом Постановлении от 27.09.2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы»³ (ст. ст. 166 – 170 УК): «Под угрозой применения насилия понимается выраженное в конкретных словах, жестах, действиях либо в другой форме очевидное для потерпевшей (потерпевшего) намерение обвиняемого причинить вред здоровью или жизни потерпевшего лица (близких потерпевшей по делам об изнасиловании)». Таким образом, для понятия угрозы в праве не выделяются разные значения [10, с. 1194], в терминологическом смысле оно синонимично категориям намеренности, обещания причинить вред, то есть имеет общезыковую семантику: «Угроза – в праве словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком» (по Большому юридическому словарю А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских).

Важным отличием угрозы от других преступлений, совершаемых вербальным способом, является вопрос о границах исследовательского внимания специалиста. В отличие, например, от оскорбления, где практически все обстоятельства коммуникативного взаимодействия включены в область экспертного анализа, правовая идентификация угрозы содержит вневелингвистические компоненты, находящиеся за пределами компетенции СЛЭ. Это касается статусного положения субъектов общения и потенциальных условий выполнения содержания злонамеренного деяния. Оба компонента подлежат следственной и/или судебной оценкам.

¹ Здесь и далее используются статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь (см. <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>).

² См. <https://etalonline.by/document/?regnum=s20500001>.

³ См. <https://etalonline.by/document/?regnum=s21200007>.

Статусное положение субъектов речевого акта угрозы, или фактор субъекта (по М.А. Осадчому) [5, с. 168], учитывает линейность коммуникативного взаимодействия. В случае, если «конфликтующие находятся в равноценных позициях» [11, с. 97] по отношению к выполнению содержания угрозы (осуществляется так называемая горизонтальная конфликтная ситуация [11, с. 98]), с правовой точки зрения, отсутствуют основания считать одного из субъектов виновным лицом. Например, в диалоге – Я тебе сегодня же дом сожгу! – Еще посмотрим, кто быстрее успеет! оба коммуниканта высказывают намерение повредить имущество друг друга. Смоделируем еще одну ситуацию: Во время драки между А и Б первый выкрикнул: «Сейчас я тебе хребет переломаю!». Очевидно, что несмотря на наличие вербальной угрозы со стороны А, оба участника инцидента реализуют намерение причинить друг другу вред с той лишь разницей, что один из них вербально озвучил свою угрозу.

Изучение потенциальных условий выполнения содержания угрозы также относится к юридическим аспектам оценки признаков правонарушения. Речь идет об актуализации компетенций следственных и судебных органов по установлению такого квалификационного признака, как «наличие у виновного реальной возможности выполнить угрозу» [12].

В лингвистической теории выделяют различные виды речевого акта угрозы (например, угроза-предупреждение, угроза-понуждение, угроза наказание и др. [13, с. 140–141]). Дифференцирующим признаком типологии вербальной угрозы чаще всего выступает ее иллокутивная составляющая. Однако значимость такой классификации жанра сомнительна для СЛЭ. Во-первых, для процессуально-следственной и судебной практики нет принципиальной разницы, какой тип коммуникативной угрозы был совершен: Я тебе лично все зубы выбью за то, что ты подошел к моей дочери (угроза-наказание), Я тебе лично все зубы выбью, если ты подойдешь к моей дочери (угроза-предупреждение), Я тебе лично все зубы выбью, если ты не отойдешь от моей дочери (угроза-понуждение) и т.д. Во-вторых, для идентификации угрозы как юридически наказуемого речевого акта одной прагмалингвистической характеристики текста недостаточно, так как очевидными компонентами указания на намерения нанести вред являются способ совершения действия, адресная направленность и др. Именно поэтому более значимым является вопрос не внутри-, а межжанровой дифференциации угрозы, которая по своим генеристическим характеристикам приближена к обещанию и проклятию (о значимости жанрового анализа в СЛЭ см. [14]).

Согласно Дж.Р. Серлю, угроза – это антиобещание [15, с. 153]). Деятельностная составляющая обещания, в отличие от угрозы, выгодна для слушающего [5, с. 166], хотя также имплементируется, чаще всего, такими лексическими единицами, как зарекаться, обзывать, давать слово и др. [16, с. 55]. Сравним: *Я тебе обещаю, что сверну ему шею за твою дочь* и *Я тебе обещаю, что сверну шею за свою дочь*. Иллокутивный компонент проклятия не содержит реального намерения адресанта нанести вред адресанту: в обыденном понимании это «способ выражения сильного недовольства, возмущение кем-либо, чем-либо, брани» [17]. В современной разговорной речи проклятие редко встречается в своем чистом виде, чаще сочетаясь с субжанром инвективы [18, с. 114]. Для языковой реализации проклятия характерны императивные глагольные призывы (*Пусть тебя Бог покарает! Чтоб тебе дети родные воды в старости не поднесли!*), в том числе, бессубъектные (*Будь ты проклят! Чтоб у тебя все сгорело!*).

В практике проведения судебной лингвистической экспертизы текста существует несколько подходов к определению признаков совершения угрозы. Так, К.И. Бринёв исходит из необходимости исследования пяти компонентов структуры речевого акта: А) Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе ничего плохое; Б) Думаю, что ты знаешь, что я могу сделать тебе нечто плохое; В) Хочу, чтобы ты знал, если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое; Г) Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое; Д) Говорю это для того, чтобы ты не делал X [19, с. 220–221] (прим. основа данной структуры заимствована у А. Вежицкой (см. [20, с. 70])).

Представленный вариант понимания диспозиции угрозы, с нашей точки зрения, недостаточно актуален для процедуры проведения лингвоправового анализа. Во-первых, согласно ст. 166 Уголовно-процессуального Кодекса, основанием для возбуждения уголовного преследования может быть не только заявление гражданина, но и сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций; сообщение о преступлении в средствах массовой информации; непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления. То есть лицо, в отношении которого высказывается угроза, может и не быть непосредственным адресатом конфлик-

тогенного речевого акта. Следовательно, такие позиции, как «ты знаешь», «ты не хочешь», «ты знал» факультативны как квалификационные параметры: например, Я ему ничего не говорил и не буду предупреждать – сломаю нос, чтобы сам догадался. Во-вторых, структурные компоненты содержат выражение субъективно-мыслительной деятельности – «думаю», которое в судебной экспертологии рассматривается как синонимичное к «наверное», «возможно», «вероятно» и т.д., то есть не может быть объектом юридического контроля. Во-третьих, СЛЭ старается избегать оценки категорий, содержащих характеристику «хороший/плохой», что связано с вопросами исследовательской методологии.

А.Н. Баранов считает, что экспертная работа по установлению признаков угрозы должна строиться на семантическом анализе речевого высказывания и включать семь аспектов: 1) установление типа вербальной угрозы (наказание, предупреждение, побуждение); 2) определение уровня имплицитности семантики, выражающей намерение; 3) анализ коммуникативной ситуации – выявление адресата; 4) установление актуального значения угрозы; 5) исследование экстралингвистического компонента потенциальной возможности говорящего контролировать выполнение санкции; 6) систематизация высказываний, содержащих семантику угрозы («угроза может выражаться в одном речевом акте или нескольких последовательно следующих друг за другом речевых актах»); 7) изучение дискурсивных перспектив угрозы («угроза наказание непосредственно переходит в конфликт <...> угроза предупреждение, наоборот, может вести к урегулированию конфликта <...>») [13, с. 142–443].

При несомненно глубокой детализации характеристик речевого акта угрозы, следует отметить, что представленный подход может достаточно успешно использоваться в коммуникативной лингвистике и теории жанров, но имеет недостатки для проведения СЛЭ текста. Во-первых, проблемными для указанных аспектов будут вопросы методологического инструментария: исследовательское поле угрозы явно выходит за рамки изучения семантики речевого высказывания. Во-вторых, оценка ряда представленных характеристик не требует вмешательства со стороны лингвистической экспертологии. Например, установление возможности говорящим контролировать санкции, очевидно, является профессиональной ответственностью следственных и судебных инстанций. А определение типа угрозы традиционно не включается в перечень вопросов, ставящихся на разрешение эксперта. В юридической интерпретации важен сам факт наличия намерения нанести адресату потенциальный вред. Указания на условия осуществления угрозы рассматриваются только как обстоятельства (см. выше) и учитываются при вынесении процессуального или судебного решения. Рассмотрим два примера: высказывания Я тебя застрелю, если ты перейдешь границу охраняемой зоны и Я вынужден буду в тебя стрелять, если ты перейдешь границу охраняемой зоны можно идентифицировать как угрозу-предупреждение. Оба речевых акта содержат а) высказывание о намерении совершить физическое насилие в отношении адресата и б) условие, при котором это намерение потенциально реализуется. В область исследовательских задач эксперта-лингвиста и в первом, и во втором случае будут включены вопросы, касающиеся только обозначенного компонента а. Поставленные адресантом условия подвергаются юридической оценке и не требуют лингвоправовой интерпретации. Дело в том, что б может вытекать из диспозиции иной правовой нормы, то есть быть юридически санкционированным разрешением реализации а. Иными словами, а – законно, если б это разрешает.

Дискурсивные перспективы конфликтогенной характеристики угрозы (возможности примирения коммуникантов или усугубление речевого противостояния) также относятся к процессуально- и судебно-значимым аспектам ее правовой оценки и не подвергаются лингвоправовому анализу.

Методы исследования

Методология проведенного исследования включала общенаучные методы обобщения и систематизации. Работа с фактическими исследовательскими данными и примерами конфликтогенных текстов включала синтаксический и грамматический анализы, лексико-центрический, логико-семантический, контекстуальный, логико-морфологический анализы, а также методы изучения генристических и прагмалингвистических характеристик языкового материала и др.

Результаты и дискуссии

Исходя из обозначенных выше диспозиций статей УК и словарной дефиниции, можно сформулировать следующие актуальные для судебного лингвистического исследования характеристики угрозы: адресант (1) выражает намерение (2) лично или через третьих лиц (3) совершить противоправное деяние (4) в отношении какого-либо лица (5). Таким образом, определены конститутивные признаки угрозы: 1) субъектный состав, 2) темпоральная маркированность, 3) субъектная принадлежность дей-

ствия, 4) тип действия и 5) адресованность действия объекту [5, с. 172]. Данные признаки являют собой параметры, подлежащие судебному лингвистическому изучению.

В нашей работе внимание концентрируется на вопросах методологической алгоритмизации проведения специального анализа текста на предмет наличия в его содержании признаков правонарушения. Исходя из принятой концепции параметрической триангуляции, после первичного этапа установления параметров, подлежащих экспертному рассмотрению, остановимся подробнее на определении и характеристиках перечня необходимых и допустимых методов исследования текстового речевого материала.

М.А. Осадчий считает, что при проведении судебной лингвистической экспертизы параметры субъектного состава и адресованности действия объекту в целях оптимизации могут быть объединены, «поскольку факт адресованности высказывания предполагает наличие адресанта, то есть двусубъектность коммуникативной ситуации» [5, с. 172]. Полностью соглашаясь с позицией о двусубъектности (по М.М. Бахтину диалогичны все тексты, диалогично наше сознание и наш язык [21, с. 175]), в свою очередь полагаем, что логичным будет объединить в одну исследовательскую задачу (по единому объекту изучения) параметры субъектного состава и субъектной принадлежности действия. Хотя следует оговориться, что для изучения обозначенных М.А. Осадчим параметров следует использовать одни и те же методы.

Вопросы методологии изучения параметров субъектного состава и субъектной принадлежности действия практически не рассматриваются в научной литературе и соответствующих рекомендациях и регламентах экспертных и внеэкспертных организаций, занимающихся СЛЭ. Параметры ориентированы на установление признаков, указывающих на лицо, которое инициировало угрозу и намеревается реализовать ее содержание. Принято считать, что в данном случае для экспертного описания достаточно автоматической интерпретации лексических единиц речевого акта. К субъектным маркерам относятся указания на активное деятельностное лицо. Чаще всего, в качестве таких маркеров выступают личные местоимения (например, *я, мы*, существительные с притяжательными местоимениями (*мои люди, наш человек твои родные, ваши близкие*), а в случае их отсутствия (эллипсис) – соответствующие формы глагольного сказуемого (*Разобью ему всю голову! Сожгу ее автомобиль! Выбьем ему все зубы и раскрошим череп!*)). Эта, на первый взгляд, несложная исследовательская процедура включает в себя последовательное проведение синтаксического и грамматического анализов предложения. Первый позволяет установить актуальные семантические или смысловые (логические) отношения компонентов текста, иными словами, определить в содержании субъекта и предикативные структуры. Это особенно важно в случае наличия в текстовой структуре аналитических связей между субъектом и его предикативными характеристиками: *Быть тебе с переломанными ногами. Я обещаю; Сгорит твой дом синим пламенем. Думаешь, что мы шутим? Нет, мы люди слова; Выбью все зубы. Так и знай.* Кроме того, синтаксическое исследование текста позволяет идентифицировать его как прямую или косвенную речь, то есть определить, является ли адресант коммуникативного акта автором угрозы: *Я тебе все лицо ножом исполокую* и *Знай, что тебе все лицо ножом исполокут; Переедет тебя машина завтра. Я постараюсь* и *Переедет тебя машина завтра. Я точно знаю.*

Результаты второго типа анализа дают информацию о грамматических характеристиках субъекта, интерпретируемых как номинативные признаки, то есть указывающих на конкретную личность, группу людей (*я, мы, они, вы, ты* и т.д.).

Автоматическая интерпретация хоть чаще всего и является действенным способом экспертной работы, однако этого не всегда достаточно для получения достоверных выводов. В лингвоправовой практике встречаются случаи, когда адресант использует вариативные языковые единицы в качестве номинации даже по отношению к себе. В этом случае для установления соответствующих семантико-смысловых связей используются методы логико-контекстуального и лексико-центрического анализов. Приведем пример из экспертной практики: *В тематической группе одной социальной сети пользователь с ником «Старый Ворон» оставил комментарий с негативной оценкой содержания новостного сообщения. Другой пользователь с ником X написал под обозначенным комментарием: «Только и знаете, что всех грязью поливать. Самому слабо поработать?». В ответ «Старый Ворон» прислал личное сообщение пользователю X следующего содержания: «Ты думаешь, су...а что я это так оставлю Ворон тебе глазик выключет и про су...у (ссылка на персональную страницу супруги X (прим. наше. – А.Л.)) твою не забудет... кровью умоется.* Среди прочих специалисту был задан вопрос: «Можно ли идентифицировать личность человека, обозначенного в сообщении как “Ворон”»? В выводах лингвистического заклю-

чения эксперт, основываясь на результатах проведения контекстуального анализа конфликтогенного текста, указал на то, что с большой долей вероятности «Ворон» и «Старый Ворон» являются одним и тем же лицом, так как при самопрезентации адресанта возможно использование ряда вторичных номинаций, имплицированных через характеристики социального статуса, половых, возрастных признаков, внешних данных и физической привлекательности, а также имена собственные [22, с. 161–164].

Более сложным является экспертное исследование текста, в котором отсутствуют явные маркеры, указывающие на взаимосвязь автора с субъектом реализации угрозы (сравним: *Мой человек ломает тебе челюсть так, что ни одного зуба не соберешь* и *Есть человек, который ломает тебе челюсть так, что ни одного зуба не соберешь*). В случае отсутствия отмеченных выше маркеров или номинаций идентифицировать субъектную личность или установить ее связь с автором вербальной угрозы позволяет логико-контекстуальный анализ: *Я сам мараться не буду. Есть человек, который ломает тебе челюсть так, что ни одного зуба не соберешь; Все на тебя указывает. А я за свою семью виновного лично пристрелю. Вот и думай*.

Актуальным для автоматической интерпретации содержания текста является лексико-центрический анализ, пришедший в современную лингвистику на смену словарному, так как позволяет учитывать коммуникативный, антропоцентрический, семиотический аспекты семантики [23, с. 23]. Так, например, Н.Н. Леонтьева, отмечая, что автоматическая интерпретация «требует привлечения словарей, которые соотносили бы единицы текста как символные объекты со смысловыми эквивалентами [24, с. 521]. Метод продуктивен при использовании в качестве номинаций лексических единиц, представляющих социально-статусное положение личности. Так, например, в высказываниях *Пахан тебе илет привет и сообщает, что приговорил тебя порешить* и *Мы решили тебя, пахан, порешить* субъектом / объектом реализации угрозы выступает «пахан». Лексема имеет значения 1. Отец, папа; 2. Опытный преступник, глава шайки; 3. Руководитель, директор какого-л. предприятия, фирмы, заведения и т. п. (по Словарю русского арго В.С. Елистратова), а установить конкретное значение номинативной единицы позволяет контекстуальное исследование текста.

Параметры субъектной принадлежности и адресованности могут не выполняться и в случаях несоответствия исследуемого текста жанру угрозы. Как мы уже отмечали выше, генристический анализ также включен в методологию экспертной работы при выявлении признаков угрозы, так как сам жанр приближен к обещанию, проклятию. Кроме того, его характеристики близки вербальному предостережению [19, с. 189] (*Будьте внимательны, а то можно и кирпичом по голове получить*), а также тексту пророчества [5, с. 166] (*Бог тебя накажет – останешься сам без головы на плечах*). Представленные примеры указанных жанров можно квалифицировать и как скрытую угрозу, так как она также не имеет указаний на то, что нанесение вреда будет осуществлять сам субъект речевого высказывания или будет непосредственным его заказчиком (через приказ, указание, просьбу и т.д.). Отсутствие сведений или имплицитный характер субъекта не позволяют идентифицировать соответствие конфликтогенного текста лингвоправовому параметру субъектной принадлежности содержания угрозы: *Ходи и бойся, чтобы тебя в подворотне не подрезали*). Отличие скрытой угрозы от предостережения или пророчества обнаруживается в речевых интенциях, которые достаточно сложно установить методами лингвистического исследования (возможный вариант – это отмеченный выше логико-контекстуальный и прагматический анализы, которых, однако, требуют достаточного объема текстового материала, а потому не всегда могут быть проведены: чаще всего угроза реализуется относительно небольшим речевым актом).

Соответствие параметру темпоральной маркированности является обязательным условием идентификации речевого акта угрозы. Данная характеристика включает два аспекта. Во-первых, само намерение совершить противоправное действие должно быть высказано «сейчас», то есть быть актуальным в настоящем времени. Во-вторых, важным является указание на то, что содержание потенциального противоправного деяния будет реализовано в будущем времени.

С лингвистической точки зрения, соответствие конфликтогенного текста обозначенным временным характеристикам можно уточнить посредством грамматического анализа глагольного сказуемого. Наиболее актуальным этот метод исследования является при изучении содержания действий, которые адресант намеревается совершить в отношении объекта угрозы, то есть выражает в форме будущего времени: *Я вырву твой язык под корень; Быть тебе одноногим; Мы вырежем всю твою семью; Останешься без своих ног; Я лично сожгу твою хибару*. Исходя из приведенных примеров, уточним, что для СЛЭ факт отсутствия прямых семантико-синтаксических связей темпоральных указаний на угрожающие

намерения с их автором не имеет значения, так как данные следственные связи устанавливаются при исследовании параметра субъектного состава (см. выше).

Грамматический анализ не всегда достаточно продуктивен при изучении временных аспектов речевого акта угрозы: на выражение будущего функционально могут указывать глагольные формы и настоящего, и прошедшего времени: *Ты помни, что с завтрашнего дня ты становишься инвалидом; Представь, что через неделю ты узнаешь – вчера сгорела твоя дача, позавчера – дом*. Кроме того, в составе сложного глагольного сказуемого формы будущего времени могут указывать на уже прошедшие действия: *В детстве всегда мечтал, что вырасту и буду бить тебя каждый день*. Данное обстоятельство актуализирует необходимость проведения логико-семантического анализа, который позволяет установить смысловую маркированность глагольных форм через соответствующие лексемы (завтра, скоро, быстро, через неделю и т.д.).

Также менее продуктивно использование метода грамматического анализа при исследовании времени непосредственной коммуникативной реализации угрожающего намерения. Дело в том, что адресант далеко не всегда темпорально маркирует свое речевое высказывание (*Я разобью всю твою аппаратуру; Оставим тебя без здоровья*), а иногда делает это, используя грамматические формы прошедшего времени (*Я всегда хотел сломать тебе нос; Я давно мечтал пустить тебе перо под ребра*). Решение данной проблемы видится также в проведении логико-семантического анализа (сравним: *Я всегда хотел сломать тебе нос. Ты просто себя так вел и Я всегда хотел сломать тебе нос. Пришло время исполнить свое желание; Я давно мечтал пустить тебе перо под ребра. Теперь нужно все обдумать и Я давно мечтал пустить тебе перо под ребра. Теперь нужно действовать*. Как видно в представленных примерах, для идентификации рассматриваемого параметра намерение реализовать содержание угрозы должно быть актуализировано во временном отношении, то есть автор указывает на то, что планируемые действия, направленные на субъект, имеют насущную значимость, и будет предпринята попытка их исполнить.

Характеристики параметра типа вредоносного деяния являются определяющими для правовой идентификации преступления: например, угроза совершения убийства, нанесения телесных повреждений, сексуального насилия и т.д. Однако установление обозначенных сведений не является облигаторным для СЛЭ и, чаще всего, определяется в процессе следственного или судебного производства. Параметр подлежит специальному изучению в случаях, если его характер выражен имплицитно либо через лексические единицы, требующие интерпретации для дальнейшей юридической квалификации противоправного деяния. Речь, чаще всего, идет о лексемах и высказываниях, относящихся к классу жаргона и арго. Таким образом, возникает необходимость проведения лексико-центрического анализа. Например, в высказывании *Я буду тебя елдачить с утра до вечера* речь идет об угрозе совершения сексуального насилия, что подтверждается данными из Словаря русской брани (елдачить – совершать половой акт с кем-либо).

Работа с лексикографическими справочниками требует также соблюдения триангуляционного подхода, то есть обращения к нескольким типам изданий (толковым словарям, словарям арго, а также матизмов и обсценизмов). Данное положение актуализируется в связи с необходимостью проведения логико-морфологического анализа рассматриваемого типа языковых единиц. Для СЛЭ это позволяет установить лексическое значение производной формы слова, если она не обнаруживается в лексикографических источниках. Еще Л.В. Щерба писал о том, что «писальщик, читальщик, ковыряльщик никогда не входили и не входят еще в словарь, но могут быть всегда сделаны и правильно поняты» [25, с. 52]. Приведем пример из практики: на экспертизу был представлен речевой акт *За твои заслуги расхлабаивать я тебя буду*. Среди прочих специалисту был поставлен вопрос о значении лексемы *расхлабаивать*, которая не обнаруживалась в словарных источниках. В указанный выше Словарь русской брани внесена только единица *расхлабай*, имеющая значение «хулиганствующего подростка» (Словарь русской брани В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина). В выводах эксперта отмечалось, что искомое слово является производной глагольной формой (на что указывает окончание *-ать*) и его семантика может быть определена как «совершать хулиганские действия по отношению к кому-либо».

Несмотря на то, что представленное определение может не в полной мере удовлетворить следственные органы или суд, так как не содержит указаний на конкретный тип возможных деяний в отношении адресата, однако оно дает общее понимание интенции автора. Таким образом, в систему исследования параметра типа вредоносного действия включается также прагмалингвистический анализ, основная

задача которого состоит в сопоставительном изучении иллокутивной и перлокутивной составляющих речевого акта. Вербализация угрозы имеет перформативно-предупреждающее значение. Ее иллокутивная составляющая выражает не только намерение совершить действия, но и включает функцию извещения, которое должно внушать объекту угрозы страх. Следовательно, перлокутивный компонент речевого акта – проявление реального опасения адресата по отношению к высказанному намерению (выше мы писали о том, что это является обязательным условием юридической квалификации угрозы). Сравним: *Ты у меня скоро получишь по ушам* и *Если не будешь слушаться – будешь получать по ушам*. В первом примере просматривается наличие угрозы применения физического наказания – иллокуция речевого высказывания выражает такое намерение в определенных обстоятельствах. Во втором случае, автор предупреждает адресанта о необходимости соблюдать условия, то есть иллокутивный компонент не содержит указания на желание нанести ущерб (*получить по ушам* в этом случае является идиомой со значением «быть наказанным»). Соответственно, ожидаемый перлокутивный эффект в первом примере – это опасение за свое здоровье, а во втором – актуализация необходимости соблюдать указанное адресантом условие).

Дополнительно в методологическую систему судебного лингвистического исследования текста может привлекаться логико-контекстуальный анализ. Данный компонент специального исследования текста помогает установить характеристики типа потенциально вредоносного деяния при отсутствии прямых указаний на него: *Мое возмездие необратимо. Помнишь, как Троцкий окончил свои дни?* Имплицитный характер угрозы в приведенном примере выражается в упоминании прецедентного случая физической расправы над политическим деятелем.

Параметр адресованности речевого акта угрозы подлежит обязательному судебному лингвистическому исследованию. Методология его изучения, как мы уже писали выше, идентична параметру субъектного состава и включает автоматическую интерпретацию (синтаксический и грамматический анализы), контекстуальный и словарный анализы.

Заключение

Актуальными для сферы СЛЭ являются вопросы нормализации методологии изучения продуктов речевой деятельности. Одним из возможных шагов в этом направлении может стать внедрение методологической триангуляции, подразумевающей использование вариативных исследовательских процедур для решения одной задачи. Внедрение в экспертную практику обозначенного подхода позитивно отразится на качественной стороне заключения специалиста: позволит повысить наглядность и достоверность выводов, минимизировать возможные следственные и судебные ошибки.

Методологический алгоритм проведения параметрическо-триангуляционного судебного лингвистического исследования на предмет наличия в тексте признаков угрозы включает в себя рассмотрение четырех идентифицирующих признаков: субъектный состав и субъектная принадлежность (изучаются как единый компонент), адресованность, темпоральная маркированность и тип действия. Последний параметр не является обязательным для специального лингвистического рассмотрения и подвергается анализу в случае имплицитного выражения потенциального вредоносного деяния или использования для этого лексических единиц, требующих толкования.

Параметр субъектного состава и субъектной принадлежности логично объединить в одну исследовательскую задачу (по объекту изучения), решение которой реализует не только автоматическая интерпретация, включающая в себя синтаксический и грамматический анализы, но и логико-контекстуальный, лексико-центрический и генристический анализы. Указанные методы позволяют выявить или описать характеристики субъекта реализации угрожающего намерения, выраженные не только через личные местоимения или соответствующие формы глагольного сказуемого, но и посредством вторичных номинаций, а также эксплицитированных в контекстуальной среде. Уточнение данных о субъектных особенностях речевого акта позволяют дифференцировать текст угрозы от близких к нему жанровых форм проклятия и обещания.

Диалогичность коммуникативного взаимодействия и обязательность наличия в угрозе указаний не только на субъект ее реализации, но и объект, требуют изучения параметра адресованности. Методология его изучения соответствует компоненту субъектного состава.

Для параметра темпоральной маркированности угрозы требуется привлечение методов грамматического и логико-семантического анализов, что позволяет уточнить соответствие авторской интенции лингвоправовым характеристикам выражения злонамерения в настоящем времени, то есть сейчас, и

реализации его содержания в будущем времени.

Для определения типа вредоносного деяния экспертная оценка проводится в случае, если оно выражается в скрытой форме или посредством лексических единиц, требующих пояснения, уточнения их семантики. В методологический алгоритм данной работы включаются лексико-центрический анализ, основанный на изучении закрепленных в словарных и справочных изданиях значениях слова. В отсутствие соответствующих лексических единиц их значение может быть выявлено, исходя из семантики однокоренных словоформ и используемых морфем. При наличии скрытой угрозы тип возможного угрожающего действия может быть определен при проведении контекстуального анализа. Прагмалингвистическое исследование помогает установить соответствие иллокутивной и перлокутивной составляющих речевого высказывания, так как первая должна содержать намерение нанести вред адресанту, а вторая – восприниматься как реально возможная.

Свои особенности имеет система оценки изучения речевого материала с использованием параметрическо-триангуляционной модели. Достоверность выводов специалиста достигается путем аналитического сопоставления результатов, полученных после исследования каждого из параметров вариативными методами экспертной работы. Общая система оценки в данном случае имеет следующую схему: Вывод является верным, если это подтверждают результаты Метода 1, Метода 2... Метода X (триангуляция не ограничивает возможное количество методов). В случае, если применение различных методов дает неидентичные сведения, что вполне допустимо в лингвистических работах, допускается использование таких оценочных заключений, как «с большой/малой долей вероятности», «невозможно достоверно установить». Иными словами, при совпадении результатов, полученных различными методами, делается однозначный вывод: материал содержит/не содержит соответствующие признаки. Если полученные данные разнятся, то экспертная оценка может быть 1) однозначной или 2) выражать дискуссионность изученных характеристик. Ответственность за конечную формулировку находится в компетенции эксперта, который делает ее, основываясь на собственном опыте и квалификации. Такой подход не противоречит общепринятым принципам экспертной деятельности: например, в медицинском заключении уместно отметить, что «Гематома стала следствием нанесения удара тупым, предположительно круглым, предметом», а в техническом «Причиной выхода из строя аппарата могли стать конструктивные особенности предмета в сочетании с внешними факторами или наличие скрытого заводского брака».

Список литературы

1. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе. *Теория и практика судебной экспертизы*, 2016;1(41):118-126. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-118-126>.
2. Баранов А.Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста. *Язык. Право. Общество*. Сборник статей. Пенза: ПГУ; 2016:119–122.
3. Бастриков А.В., Бастрикова Е.М., Палеха Е.С. Верифицируемые виды анализа спорного текста: допустимые методы лингвистической экспертизы. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 2017;159(5):1358–1368.
4. Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2021;12(2):279–301. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301>
5. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2013.
6. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме. *Психология и право*, 2001;1(2). Доступно по: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml>. Ссылка активна на 04.01.2022.
7. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР; 2005.
8. Denzin N. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine; 1970.
9. Шахматова Т.С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы. *Ученые записки Казанского университета*, 2015;157(5):286-294.
10. Гловинская М.Я. Угрожать, пригрозить, грозить, грозиться. *Новый объяснительный словарь си-*

нонимов русского языка. Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Школа «Языки славянской культуры»; 2004:1190–1194.

11. Мاستенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организаций. Пер. с англ. М.: Инфра-М; 1996.

12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука; 1987.

13. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике. *Теория и практика судебной экспертизы*, 2014;4(36):139–147.

14. Комалова Л.Р., Голощапова Т.И. Дифференцированный анализ речевого жанра «оскорбление» на материале сообщений социальной интернет-сети. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2021;12(3):619–631. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631>.

15. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт. *Новое в зарубежной лингвистике*, 1986;17:151–169.

16. Лавицкий А.А. Понятие угрозы в лингвоправовом экспертном понимании и наивной языковой картине мира белорусов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2020;4:52–61. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-52-61>

17. Балова И.М., Будаева Л.А., Щербань Г.Е. Речевой акт проклятия в практике проведения психолого-лингвистической экспертизы текста. Доступно по: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/balowa-budaewa-scherban.html>: Ссылка активна на 18.04.2022.

18. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия. *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: «Колледж»; 2003:112–120.

19. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА; 2009.

20. Вежбицка А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц). *Антология речевых жанров: повседнев. коммуникация*. Под общ. ред. К.Ф. Седова. М.: Лабиринт; 2007:68–81.

21. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. *Эстетика словесного творчества*. Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство; 1979.

22. Москаленко К.О. Лексико-семантические средства номинации лица в текстах испанских объявлений о знакомстве. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2013;2:159–164.

23. Воробьева О.П. К вопросу о смене парадигм в лингвистических исследованиях. *Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм*. Вып. 1. Харьков; 1991:19–28.

24. Леонтьева Н.Н. Категоризация единиц в русском общесемантическом словаре (РОСС). *Труды Международного семинара «Диалог '98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, 1998;2:519–532.

25. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние АН; 1974.

References

1. Kukushkina OV. Methods of analysis used in forensic linguistic expertise. *Theory and practice of forensic science*, 2016;1(41):118-126. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-118-126>. (In Russ.).

2. Baranov AN. Methods and techniques in the linguistic examination of the text. *Language. Right. Society. Digest of articles*. Penza: PGU; 2016:119–122. (In Russ.).

3. Bastrikov AV, Bastrikova EM, Palekha ES. Verifiable types of disputable text analysis: acceptable methods of linguistic expertise. *Scientific notes of Kazan University. Series Humanities*, 2017;159(5):1358–1368. (In Russ.).

4. Shaposhnikova IV. The integrating role of the concept of linguistic personality in the construction of the theory of language. *Bulletin of RUDN-University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2021;12(2):279–301. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301>. (In Russ.).

5. Osadchiy MA. Russian language on the verge of law: the functioning of the modern Russian language in the context of the legal regulation of speech. М.: Book house “LIBROKOM”; 2013. (In Russ.).

6. Sekerazh TN. Methodological problems of the study of controversial texts in cases of extremism. *Psychology and Law*, 2001;1(2). Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml>. Accessed 01/04/2022. (In Russ.).

7. Yanchuk VA. Introduction to modern social psychology. Minsk: ASAR; 2005. (In Russ.).

8. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine; 1970. (In Russ.).
9. Shakhmatova TS. Speech act of indirect threat in the practice of forensic linguistic expertise. *Scientific notes of Kazan University*, 2015;157(5):286-294. (In Russ.).
10. Glovinskaya MYa. Threaten, threaten, threaten, threaten. *New explanatory dictionary of Russian synonyms*. Under total hands acad. Yu.D. Apresyan. M.: School "Languages of Slavic culture"; 2004:1190–1194. (In Russ.).
11. Mastenbrook U. Management of conflict situations and development of organizations. Transl. from English. M.: Infra-M; 1996. (In Russ.).
12. Karaulov YuN. Russian language and linguistic personality. Rep. ed. D.N. Shmelev. M.: Nauka; 1987. (In Russ.).
13. Baranov AN. The phenomenon of threat in linguistic theory and expert practice. *Theory and practice of forensic science*, 2014;4(36):139–147. (In Russ.).
14. Komalova LR, Goloshchapova TI. Differentiated analysis of the speech genre "insult" on the material of the messages of the social Internet network. *Bulletin of RUDN-University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2021;12(3):619–631. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631>. (In Russ.).
15. Searl JR. What is a speech act. *New in foreign linguistics*, 1986;17:151–169. (In Russ.).
16. Lavitski AA. The Notion of Threat in Linguistic and Legal Expert Understanding and in Belarusians' Naïve Linguistic Picture of the World. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020; 4:52–61. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-52-61>. (In Russ.).
17. Balova IM, Budaeva LA., Shcherban GE. Speech act of cursing in the practice of psychological and linguistic examination of the text. Available at: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/balowa-budaeva-scherban.html>. Accessed 04/18/2022. (In Russ.).
18. Sedov KF. Aggression as a type of speech influence. *Direct and indirect communication*. Saratov: "College"; 2003:112–120. (In Russ.).
19. Brinev KI. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Ed. N.D. Golev. Barnaul: AltGPA; 2009. (In Russ.).
20. Vezhbitska A. Speech genres (in the light of the theory of elementary semantic units). *Anthology of speech genres: everyday communication*. Under total ed. K.F. Sedov. M.: Labyrinth; 2007:68–81. (In Russ.).
21. Bakhtin MM. The problem of speech genres. *Aesthetics of verbal creativity*. Comp. S.G. Bocharov. M.: Art; 1979. (In Russ.).
22. Moskalenko KO. Lexico-semantic means of nominating a person in the texts of Spanish dating advertisements. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 2013;2:159–164. (In Russ.).
23. Vorobieva OP. On the issue of changing paradigms in linguistic research. *Linguistics: Interaction of concepts and paradigms*. Issue. 1. Kharkov; 1991:19–28. (In Russ.).
24. Leontyeva NN. Categorization of units in the Russian General Semantic Dictionary (ROSS). *Proceedings of the International Seminar "Dialogue'98" on Computational Linguistics and its Applications*, 1998;2:519–532. (In Russ.).
25. Shcherba LV. Language system and speech activity. Ed. L.R. Zinder, M.I. Matusevich. L.: Science. Leningrad. Department of the Academy of Sciences; 1974. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 20.04.2022

Принята: 12.05.2022

Опубликована онлайн: 25.06.2022

Article history:

Received: 20.04.2022

Accepted: 12.05.2022

Published online: 25.06.2022

Сведения об авторе: